

Представляемое читателю издание приурочено к 100-летию со дня рождения автора публикуемых работ — Олимпиада Соломоновича Иоффе, одного из самых известных и ярких отечественных специалистов по гражданскому праву, заложивших в своих трудах фундамент современной российской цивилистики.

Перу профессора О.С. Иоффе принадлежит единственный в нашей стране во второй половине XX века масштабный трехтомный авторский курс по гражданскому праву, многие не потерявшие актуальности до настоящего времени работы по теории права (в частности, одна из самых цитируемых сегодня работ — совместная монография О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского «Вопросы теории права»), истории цивилистики, теории гражданских правоотношений и другим фундаментальным вопросам. Нельзя забывать и о том, что идеи, развиваемые Олимпиадом Соломоновичем, лежат в основе подавляющего большинства действующих гражданско-правовых институтов — как законодательных, так и реализуемых в судебной практике.

Язык работ О.С. Иоффе прост и понятен, его идеи и аргументы последовательны и убедительны, и настоящая книга дает читателям возможность все это самостоятельно оценить в полной мере. Те, кто сегодня пишет об основаниях гражданско-правовой ответственности, понятии обязательства в гражданском праве, элементах гражданского правоотношения или природе авторского права, подчас сами того не подозревая, излагают как само собой разумеющиеся и те идеи, которые они когда-то прочли в книгах

Олимпиада Соломоновича. Многие его выводы не только прочно легли в основу отечественного гражданского права, но и, что немаловажно, на протяжении десятилетий воплощаются в реальной практике регулирования экономических отношений.

Судьба О.С. Иоффе была не проста. Родившись 22 января 1920 года в небольшом городке Синельниково Днепропетровской области Украинской ССР, он успел поступить в Ленинградский юридический институт (ЛЮИ), но с началом Великой Отечественной войны ушел на фронт. Закончить учебу в институте Олимпиад Соломонович смог только в 1946 году, после чего быстро двигался вверх по ступеням академической карьеры. Всего через год после получения диплома он защитил кандидатскую диссертацию (эта работа, опубликованная как монография «Правоотношение по советскому гражданскому праву» в 1949 году, известна многим цивилистам), а еще через семь лет, в 34 года, — докторскую диссертацию на тему «Ответственность по советскому гражданскому праву» (став самым молодым доктором юридических наук в СССР).

Много лет профессор Иоффе работал на юридическом факультете Ленинградского государственного университета, где сначала был преподавателем, затем заведовал кафедрой гражданского права. Олимпиад Соломонович запомнился студентам как яркий и талантливый лектор и был известен своими научными трудами всем правоведам Советского Союза. Однако в начале 80-х годов Иоффе был вынужден вслед за своей семьей эмигрировать в США. Там он продолжил свою научную и педагогическую деятельность, опубликовал — уже на английском языке — девять монографий и целый ряд статей, в том числе по вопросам советского права, напряженно работая до самой смерти в 2005 году. В Коннектикутском университете до сих пор чтят память профессора Иоффе.

Биография Олимпиада Соломоновича — яркий пример того успеха, который обеспечивает сочетание яркого таланта и упорного труда.

Труды О.С. Иоффе важны и актуальны сегодня. Это не только образец безупречной логики научного познания и анализа непростых

вопросов правовой теории, но и ключ к пониманию природы права, существа многих правовых институтов, с которыми ежедневно сталкивается каждый юрист — ученый, законодатель, правоприменитель. Обстоятельное знакомство с этими трудами — один из способов найти решение многих современных проблем, не только научиться понимать, из чего выросли современные цивилистические модели, но и лучше видеть пути к тому, чтобы сделать их действительно работающими, обеспечить устойчивость гражданского оборота, справедливость и эффективность современного права.

*Е.А. Борисенко,
заместитель Председателя Правления
«Газпромбанк» (Акционерное общество)*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Не так давно мысль о необходимости предварить издание работ Олимпиада Соломоновича Иоффе какими-либо словами, кроме слов благодарности ученика Учителю, показалась бы странной.

Но сегодня весьма вероятно, что те, кому меньше сорока, не видят за охотно цитируемыми работами профессора О. С. Иоффе их живого автора и не вполне представляют влияние, которое он оказал и продолжает оказывать на отечественное право. Причина этого – в том полузабвении, в котором имя О. С. Иоффе оказалось на родине после его вынужденного отъезда в 1981 г. в США. В полном соответствии с официальными нравами того времени выдающийся ученый был подвергнут остракизму. Всякое упоминание о нем в литературе, мягко говоря, не поощрялось, а новые книги, которых за это время Олимпиад Соломонович написал, наверное, больше десяти, в советские библиотеки не допускались. Из науки пытались вычеркнуть имя человека, чьи многочисленные труды, обширная научная и педагогическая деятельность во многом определяли лицо советской цивилистики 50 – 70-х годов и продолжают влиять на развитие этой науки по сей день, ибо «рукописи не горят», а многочисленные ученики О. С. Иоффе работают в самых разных местах бывшего СССР.

*

*

*

По очевидным всем обстоятельствам в первые послевоенные годы среди преподавателей юридического факультета Ленинградского университета почти не было молодых. Ядро кафедры гражданского права составляли люди по нашим тогдашним представлениям вполне преклонного возраста – А. В. Венедиктов, С. И. Аскназий, В. К. Райхер, Н. В. Рабинович, Л. И. Картужанский, а многообещающая молодежь (А. К. Юрченко, Ю. К. Толстой и др.) ходила еще в аспирантах. Уже по одной этой причине молодой преподаватель, недавно в чине капитана вернувшийся с фронта, в 27 лет блестяще защитивший диссертацию и оставленный на кафедре, вызывал интерес у студентов, среди которых было много не только его сверстников, но и людей старше него. К тому же студенческая молва, возможно что-то немного

преувеличивая, доносила слухи о даре молодого О. С. Иоффе читать лекции интересно и необычайно ясно.

Поэтому, когда стало известно, что вместо скоропостижно скончавшегося профессора И. И. Яковкина римское частное право начнет читать О. С. Иоффе, большинство нашего курса, собравшегося в одной из первых аудиторий знаменитого университетского коридора (кажется, 85-ой), ждало появления нового лектора с любопытством и интересом.

Не помню дату, но осталось впечатление от яркого солнца, освещавшего другую сторону Менделеевской линии, контрастирующего с ней сумрака аудитории и светлого костюма молодого и какого-то очень ладного О. С. Обращали на себя внимание спадавшая на лицо прядь черных волос, чуть-чуть полноватые губы и глубоко посаженные и немного прищуренные глаза.

Вниманием аудитории О. С. Иоффе завладел сразу же, отвлекая ее от обычных занятий вроде переписывания пропущенных лекций или игры в «морской бой». Его речь заставляла слушающих следить за ней, тянуть вслед за лектором нить собственной мысли и в то же время не требовала особого напряжения, чтобы понять сказанное, и легко ложилась в контексты студенческих тетрадей.

«Вначале было слово». В души моего и десятков последующих студенческих поколений (вероятно, и в далеком Хартфорде, где он читал лекции до последнего времени) О. С. вошел прежде всего своим устным словом, тем, что и как он говорил, и об этом даре О. С. надо сказать чуть подробнее.

В среде юристов 50-х годов, было немало людей, блестяще владевших словом. На том же юридическом факультете С. И. Аскназий так читал общую часть обязательственного права, что о нем говорили: «Аскназий из гражданского права делает поэму». Неизгладимое впечатление оставлял М. Д. Шаргородский, как бы размышляющий перед аудиторией о проблемах общей части уголовного права. В Москве пользовались заслуженной славой превосходных ораторов Е. А. Флейшиц, И. Б. Новицкий, Д. М. Генкин. Уже тогда ни в сравнении с ними, ни в состязании (что иногда случалось) О. С. никому из них не уступал. В то же время он не был похож ни на кого из наших «стариков».

Как ни к кому другому, к О. С. применимо старое русское выражение «говорит как по писаному» в его исконном похвально-восторженном значении. Устная речь О. С. имеет столь же совершенную форму, какую обычно удается достичь лишь на письме. Она лишена красивых метафор и броских сравнений, О. С. не вкрапляет в нее лишних слов или привычных

выражений, почти никогда не подчеркивает сказанное жестом. Слушателей он увлекает тем, что делает их соучастниками процесса объяснения и доказывания истины. Ставится очередной вопрос, излагается очередная гипотеза, и за этим в нескольких точных фразах возводится логическое построение, объясняющее, почему правом избрано то, а не другое решение. Сами фразы и слова в них четко отделены друг от друга, на решающем аргументе повышается голос и ... Все очевидно, голос немного понижается и О. С. мысленно уже переходит к следующему вопросу...

Удивительная четкость (если не сказать, чеканность) фраз и формулировок не делает речь О. С. скучной. Ее выразительность достигается разнообразием и часто неожиданностью логических средств, используемых оратором – среди них и простейшие приемы логики, и доказательство *ad absurdum*, и обращение к парадоксам и ко всем способам толкования закона, и многое другое.

На одной из первых лекций произошел не совсем обычный казус. Когда О. С. писал на доске что-то по латыни, из дальнего конца аудитории раздалось негромкое, но всеми услышанное: «А это не так пишется». Ответ О. С. последовал мгновенно: «*hic Rhodus, hic salta!*» Поднявшийся из задних рядов Валя Харин – невысокий студент в мешковатом кителе и очках подошел к доске и указал на ошибку. После секундного раздумья О. С. поправил написанное. Мгновенная готовность к спору, обращение в его преддверии к ставшему крылатым выражению из басни Эзопа и спокойное признание своей ошибки перед двумя сотнями студентов – все это сразу увеличило наши симпатии к молодому преподавателю.

* *
*

Сколь же значительным должно было быть впечатление от О. С., чтобы подвигнуть студента, еще не прослушавшего общий курс гражданского права, на покупку только что появившейся в университетском киоске книги, которая даже по названию не сулила легкого чтения – «Правоотношение по советскому гражданскому праву»! Книга была прочитана от корки до корки, снабжена массой самонадеянных помет и вызвала жгучее эпигонское желание написать что-нибудь не менее значительное. Кажется, с этого все для меня и началось ...

И сегодня, по прошествии полувека, думаю, что «Правоотношение ...» (1949), публикуемое в настоящем издании, – одна из самых удачных работ О. С. и одна из самых интересных монографий в советской цивили-

стике. В книге же этой самое интересное – монистическая теория объекта гражданского правоотношения. И хотя впоследствии не без влияния консервативной критики О. С. смягчил ригоризм этой теории, допустив существование материального объекта правоотношения, сказанное им в диссертации и в «Правоотношении ...» никем всерьез не опровергнуто. Прельщает в «Правоотношении ...» и то, что книга написана молодым ученым. Отсюда и свежесть взгляда на вечные проблемы гражданского права, и цельность авторской конструкции правоотношения, и важная для науки преемственность взглядов О. С. позициям его учителя – Якова Мироновича Магазинера.

Когда вслед за «Правоотношением ...» стали выходить одна за другой работы О. С. о вине, о деликтной ответственности и вскоре появилась докторская диссертация по главной проблеме гражданского права, могло возникнуть ощущение, что О. С. движет стремление побыстрее «продвинуться» на научной стезе. Защищать докторскую диссертацию в тридцать четыре года, да к тому же всего через несколько лет после кандидатской, было непринято. Но вскоре стало ясно, что в науку пришел человек, не просто талантливый, но и безоговорочно исповедующий принцип «*nulla dies sine linea*», и что хотя сделано О. С. уже много – это лишь начало.

В то время – в первой половине 50-х годов, – когда О. С. вошел в «большую» науку, ее сердцем, мозгом и лицом были те, кто не только учился, но и начинал преподавать и печататься еще до революции, – прежде всего Д. М. Генкин, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский, В. И. Серебровский, Е. А. Флейшиц – в Москве, С. И. Аскназий, А. В. Венедиктов – в Ленинграде, В. М. Корецкий и С. Н. Ландкоф – в Киеве, С. И. Вильнянский – в Харькове. Люди очень разных характеров, с разной степенью конформизма относившиеся к существовавшему строю, но в человеческих отношениях глубоко порядочные и безмерно преданные своему делу. Эти два качества больше всего ценились ими в учениках и товарищах. В О. С. они почувствовали талантливого достойного преемника. Кто-то, конечно, «поскрипел» на тот предмет, что уж, дескать, очень О. С. торопится, но в круг «стариков» он был принят бесповоротно и на равных, как раньше это было сделано в отношении С. Н. Братуся.

Складывавшееся же к О. С. отношение научной и околону научной юридической молодежи далеко выходило за рамки простого интереса и доброй симпатии. Человек с бесспорным научным авторитетом, твердый в принципиальных спорах, надежный в обещаниях, блестящий оратор, острый полемист, ироничный и интересный собеседник, веселый и остроумный участник застолья и к тому же почти ровесник – О. С. просто при-

тягивал к себе людей. Этому способствовало то, что легкий на подъем О. С. охотно откликался на просьбы оппонировать по диссертации (хотя никто не числил его в «легких» оппонентах!) или сделать доклад на научной конференции, которых в те годы было великое множество. Вместе с женой Евгенией Лазаревной побывал он едва ли не во всех городах бывшего Союза, имевших юридические вузы. Прежде всего к О. С. тянулись те, кто, он будучи ненамного моложе его, тоже хлебнул военного лиха и увидел потом смысл жизни в нелегком служении науке гражданского права.

Называя имена, можно ошибиться, но я все же рискну сказать, что наши цивилисты первого послевоенного поколения – и ушедшие из жизни Ю. Х. Калмыков, О. А. Красавчиков, А. А. Пушкин, В. И. Кофман, и ныне, слава Богу, здравствующие Ю. Г. Басин и С. С. Алексеев, М. И. Брагинский и К. Б. Ярошенко, А. Ю. Кабалкин и В. А. Рахмилович, Я. А. Куник, В. Ф. Чигир, Ш. Д. Чиквашвили, В. Ф. Яковлева и многие другие – твердо стали в науке на ноги, чувствуя надежную дружескую поддержку О. С.

Для тех же, кто шел следом за этим поколением, О. С. Иоффе стал подлинным кумиром.

* *
*

В 60 – 70-е годы, вплоть до изгнания из университета и из страны, О. С. Иоффе оставался одной из самых ярких фигур, а в последнее десятилетие – самой крупной и яркой фигурой в отечественной цивилистике. И, конечно, это объясняется не только ораторским и полемическим даром О. С. и его свойством располагать и притягивать к себе людей, и даже не просто длинным рядом непрерывно выходящих серьезных научных работ.

Не претендуя на объяснение феномена О. С. Иоффе, все же должен обратить внимание читателей его работ на три обстоятельства.

Первое. В отечественной цивилистике давно уже не было человека, сделавшего больше О. С. для осмысления и даже возвеличения теории гражданского права. Речь идет не о той теории, которой все мы занимаемся, анализируя правовую норму, сопоставляя ее с другими и рассматривая ее практическое действие. Речь идет о цивилистической мысли человечества в целом и собственного отечества в частности как об огромном достижении цивилизации.

Почему-то мне кажется, что путь исследований О. С. в этом направлении начался еще тогда, когда он читал нам небольшой спецкурс под

названием «История институтов гражданского права» (1952). Не знаю, возвращался ли О. С. к этому спецкурсу в последующие годы, но уже в тех его лекциях присутствовало изложение социально-нравственных начал цивилистики в преломлении к конкретике гражданско-правового инструментария.

Затем, на протяжении пятнадцати лет (1962 – 1978), О. С. создает серию работ по истории цивилистической мысли. Впервые собранные вместе в настоящем издании эти работы О. С. не имеют аналогов в отечественной науке. Было бы, наверное, хорошо, если бы когда-нибудь они были изданы вместе с переводом написанной О. С. уже за границей книги «Развитие гражданско-правовой мысли в СССР» (1989).

Параллельно с созданием этих работ О. С. готовит и издает трехтомный учебник гражданского права (1958, 1961, 1965), который до предела насыщает современной отечественной теорией. При этом будущим юристам преподносится не сухая сумма чьих-то точек зрения, а живая цивилистическая мысль, в которой присутствует и сам автор с его взглядами, позициями и критикой. С момента выхода в свет этого учебника и переиздания его первого тома (1967) существенно изменилось законодательство, появилось много новых, в том числе и серьезных работ, но я и по сей день продолжаю рекомендовать этот учебник своим аспирантам как лучшее введение в нашу науку.

Второе. Гражданское право настолько усложняется и разветвляется, что время энциклопедистов в этой области, кажется, проходит. Все меньше становится людей, которые за массой деталей текущего законодательства и судебной практики продолжают видеть в целом огромный массив «леса» гражданского права и свободно в нем ориентироваться. К таким людям относились наши учителя, относится к ним и О. С. В чем-то он даже превосходит их. После Г. Ф. Шершеневича никому из отечественных цивилистов, кроме О. С., не удавалось создать одному полноценный учебник гражданского права, который к тому же явно выходит за рамки вузовского учебника. Нет до сих пор аналогов книге О. С. об ответственности в гражданском праве (1955) и его «Обязательственному праву» (1975). Вслед за многими выдающимися цивилистами О. С. неоднократно обращается к проблемам общей теории права, а позднее – уже за границей – к экономике и политологии. Когда оглядываешь созданное О. С., невольно закрадывается мысль – не ставил ли автор сам себе задачи и испытания, обращаясь к столь разным предметам своей науки и к столь разным жанрам юридической литературы?

Может, нам и идущим за нами не удастся сохранить этот присущий российской цивилистике энциклопедизм, но то, что вслед за своими учителями делал и делает О. С., будет всегда к этому побуждать.

И третье. На долю каждого юриста, занимается ли он созданием права, его применением, исследованием или преподаванием, не единожды выпадают нравственные испытания именно в связи с избранной им профессией. Парадокс заключается в том, что чем больше масштаб личности, тем серьезней тест на нравственность, выпадающий на ее долю.

Когда недавно я услышал из уст одного академика рассуждения о том, что гражданское право в нашей стране восторжествовало благодаря деяниям Вышинского и репрессиям против сторонников «хозяйственного права», а нынешние провалы в экономике объясняются отсутствием «предпринимательского кодекса», то невольно вспомнил, что случившаяся в истории драма затем повторяется как фарс.

Сегодня уже немногие вспоминают о той острой и неравной борьбе между цивилистами и сторонниками «хозяйственного права», которая происходила на протяжении почти тридцати лет, начиная с конца 50-х годов. Серьезной науке было противопоставлено обвинение в ее идеологической неполноценности, поскольку-де социалистической экономике свойствен новый тип «хозяйственных» отношений, не поддающихся разделению на административные (властные) и на гражданские (имущественно-равноправные). Неплохо образованные и впитавшие с молоком матери опыт «борьбы с космополитизмом», лысенковщины и других подобных кампаний предводители «теории хозяйственного права» обоснованно рассчитывали на соблазн для партийной верхушки создать присущее лишь социалистическому строю «хозяйственное право» взамен гражданского права, частноправовую природу которого вытравить никак не удавалось.

Борьба с «хозяйственниками» была неравной не только потому, что они все время апеллировали к социалистической идеологии и политэкономии, но и потому, что не гнушались никакими передержками, подтасовками, откровенной демагогией, вроде рассуждений об отсутствии товаров из-за того, что мешают создать «хозяйственный кодекс».

Как всякая борьба с лженаукой, борьба с «теорией хозяйственного права» была делом высоко нравственным, хотя и не сулившим дивидендов в виде академических званий. В этой борьбе О. С. Иоффе с самого начала занял абсолютно ясную и принципиальную позицию, вел ее с величайшим искусством и даже с некоторым азартом. Он ни на йоту не отступал от своих взглядов ни тогда, когда кое-кто из его менее принци-

пиальных постоянных сотрудников начал искать «компромиссы», ни позднее, когда в 70-х годах как главная фигура советской цивилистики оказался на острие этой борьбы.

В настоящее издание вошли две работы О. С. Иоффе, достаточно полно характеризующие и истоки «теории хозяйственного права», и ее демагогическое прикрытие, и другие используемые ее сторонниками методы полемтики. Работы эти более чем актуальны и по сей день, ибо «академики от хозяйственного права» упорно сражаются за свое прошлое. На память невольно приходят слова из «Золушки» Евгения Шварца: «Ведь когда-нибудь спросят, а что ты можешь, так сказать, предъявить? И никакие связи не помогут тебе сделать ножку маленькой, душу – большой, а сердце справедливым».

Олимпиаду Соломоновичу Иоффе, которому в дни выхода в свет этого издания исполняется восемьдесят лет, есть что предъявить и своим учителям, и своим современникам, и своим потомкам!

* *

*

Настоящее издание, выходящее, как и планировалось изначально, в задуманной и осуществляемой кафедрой гражданского права Московского университета серии, подготовлено тесно сотрудничающим с кафедрой Исследовательским центром частного права. Не могу не выразить благодарность тем, кто проявил горячую заинтересованность и помог в его подготовке и опубликовании – Олегу Юрьевичу Шилохвосту, Евгению Алексеевичу Суханову, Владимиру Саурсеевичу Ему, Александру Геннадьевичу Долгову, а также давним друзьям и добрым знакомым О. С. Иоффе – Юрию Григорьевичу Басину, Дмитрию Михайловичу Чечоту, Валерию Абрамовичу Мусину, Ларисе Октябрьевне Красавчиковой и Ларисе Александровне Казаковой.

Александр Маковский